

СЕРИЯ РОМАНОВ О ТОМАСЕ ЛИНЛИ И БАРБАРЕ ХЕЙВЕРС

Великое избавление

Расплата кровью

Школа убийств

Месть под расчет

Ради Елены

Картина без Иосифа

Прах к праху

В присутствии врага

Обман

Преследование праведного грешника

Предатель памяти

Тайник

Без единого свидетеля

Перед тем, как он ее застрелил

Женщина в красном

Это смертное тело

Верь в мою ложь

Всего одно злое дело

Горькие плоды смерти

Наказание в награду

ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ

*Посвящается
тем, кто страдает,
тем, кто терпит,
и тем, кто сражается*

Человеческая душа практически не поддается разрушению, а ее способность возрождаться из пепла остается до тех пор, пока тело дышит.

*Алис Миллер
«Ради твоей же пользы»*

Часть I

21 июля

*Вестминстер
Центр Лондона*

В один из самых жарких дней необыкновенно жаркого лета Дебора Сент-Джеймс шла к Санкчуэри-билдингс через Парламент-сквер. Ее попросили встретиться с одним из секретарей Министерства образования, а также с главой Государственной службы здравоохранения. «Мы бы хотели обсудить с вами один проект, — сказали ей. — Вы свободны?»

Да. После публикации «Голосов Лондона», проекта, которому Дебора посвятила последние несколько лет жизни, она искала следующую тему. И очень обрадовалась приглашению на встречу, которая может вылиться в новый проект, хотя даже не догадывалась, какого рода фотографии могли заинтересовать Министерство образования вместе с Государственной службой здравоохранения.

Подойдя к охраннику у дверей, она показала удостоверение. Но охранника интересовало не оно, а содержимое вместительной сумки. Он сообщил, что к телефону у него претензий нет, а вот цифровую камеру нужно включить, чтобы доказать, что это на самом деле камера. Дебора подчинилась и сфотографировала охранника. Потом показала ему. Он махнул рукой, пропуская ее. И прибавил, прежде чем она успела войти: «Удалите. Я тут дерьмово выгляжу».

У стойки приема посетителей Дебора спросила Доминик Шоу. Назвала свое имя и сообщила, что пришла по приглашению помощника секретаря по школьной системе. После приглушенного телефонного разговора ей вручили шнурок с карточкой «Гость». Комната для переговоров номер четыре. Третий этаж. Лифт направо, лестница налево. Она повернула к лестнице.

Войдя в комнату для переговоров номер четыре, подумала, что ошиблась дверью. За полированным столом сидели пять человек, а не те двое, которые, как она предполагала, хотели с ней встретиться. Три напольных вентилятора героически пытались уменьшить температуру воздуха в комнате, но лишь создавали что-то похожее на сирокко¹.

Женщина, сидевшая у дальнего конца стола, поднялась и направилась к ней, протягивая руку. Она была элегантно одета в стиле «государственный служащий»; на носу огромные очки без оправы, в ушах золотые серьги размером с бейсбольный мяч.

— Доминик Шоу, — представилась она, — парламентский помощник государственного секретаря по школьному образованию.

Потом представила остальных, но так быстро, что Дебора уловила только должности: глава Государственной службы здравоохранения, представитель благотворительной организации «Барнардос», основатель чего-то под названием «Дом орхидей» и женщина по имени Нарисса, фамилии которой Дебора не запомнила. Пестрая компания: один черный, один похож на корейца, Доминик Шоу белая, а женщина по имени Нарисса — мулатка.

---

¹ Сирокко — сильный жаркий ветер в странах средиземноморского бассейна, зарождающийся в пустынях Северной Африки и на Ближнем Востоке.

ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ

— Прошу вас. — Доминик Шоу указала на пустой стул рядом с представителем «Барнардос».

Дебора села. И с удивлением увидела, что перед каждым из присутствующих лежит экземпляр «Голосов Лондона». Первое, что ей пришло в голову: книга вызвала какие-то проблемы, оказалась некорректной в политическом, социальном или культурном плане, — хотя она не представляла, при чем тут Министерство образования. Книга состояла из портретов жителей Лондона, снятых за три года работы. Каждый снимок сопровождался несколькими фразами персонажа, записанными Деборой во время фотосессии. Среди них было не меньше двух дюжин бездомных, количество которых в городе постоянно росло, — людей всех возрастов, рас и национальностей, которые дошли до того, чтобы ночевать в дверных проемах на Стрэнде, лежать в тоннелях под Парк-лейн, сидеть на корточках у передвижных мусорных контейнеров — а иногда и внутри — и позади таких отелей, как «Савой» и «Дорчестер». В этой части книги Лондон представал совсем не шикарным космополитичным городом, которым хотел казаться.

Отказавшись, после некоторых колебаний, от предложенных чая и кофе, Дебора выбрала теплую воду из стеклянного кувшина, стоявшего на столе. Она ждала, пока кто-нибудь сообщит повестку дня — хотелось бы понять, что она тут, черт возьми, делает. Но лишь после того, когда Дебора получила воду и совершенно не нужный ей экземпляр «Голосов Лондона», переданный Доминик Шоу, помощник государственного секретаря приступила к делу.

— На вашу книгу мне посоветовал обратить внимание мистер Оу. — Чиновница кивком указала на мужчину из «Барнардос». — Впечатляет. Но я все удивлялась... — Она умолкла, словно выбирала варианты, что же ее так

удивило, а в это время под окном на улице скрежетала неисправная трансмиссия какого-то грузовика. Шоу посмотрела в окно, нахмурилась и продолжила: — Как вам это удалось?

Дебора не поняла, что имеет в виду Доминик Шоу. Ее взгляд упал на обложку книги. Издатель выбрал вполне невинный снимок: один из тех пожилых людей, которые кормят птиц в парке Сент-Джеймс. На голове у него был картуз, и он стоял на мостике, перекинутом через пруд. Рука протянута, на ладони птица. Внимание Деборы привлекли глубокие морщины на его лице — как они пролегли от глаз к потрескавшимся губам. Сама она не выбрала бы для обложки этот снимок, но понимала логику издателя, который хотел, чтобы потенциальный покупатель взял книгу и открыл ее. Фотография бездомного, спящего под открытым небом на Стрэнде, вряд ли была бы такой же эффективной.

— Вы имеете в виду, как я уговорила людей позировать? Просто спрашивала. Говорила им, что хочу сделать портрет, — и, открою вам секрет, большинство людей соглашались, если их попросить и объяснить, зачем это нужно. Не все, конечно. Некоторые отказываются, причем категорически. Бывает, приходится выслушивать резкие слова, но это не должно обескураживать. А те, кто любезно согласился, чтобы я их сфотографировала... Если у них был адрес, я отправляла им копию того снимка, который выбрала для книги.

— А то, что они вам говорили? — подал голос мистер Оу. — Их слова, что вы включили в книгу?

— Как вам удалось вызвать их на откровенность? — спросила женщина по имени Нарисса.

— А, вот вы о чем... — Дебора раскрыла книгу и принялась листать страницы. — Штука в том, что, когда кого-то снимаешь, нужно добиться того, чтобы они не думали

ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ

о съемках. Перед камерой люди становятся скованными. Так уж они устроены. Думают, что должны позировать, и перестают быть собой. Поэтому фотограф должен придумать, как поймать их в тот момент, когда они... Скажем, в тот момент, когда они раскрываются. Каждый фотограф должен это уметь. В принципе, никаких проблем, если застать свой объект врасплох. Но для такой работы — я имею в виду книгу или любой официальный портрет — это не подходит. Поэтому большинство фотографов разговаривают с людьми, когда их снимают.

— То есть просят расслабиться, улыбнуться или еще что-то? — спросила Доминик Шоу.

Добора увидела, что помощник секретаря ничего не поняла из ее объяснений.

— Я ничего им не говорю. Наоборот, прошу что-нибудь мне рассказать. Слушаю их, отвечаю, а они продолжают. Для этого проекта, — она указала на книгу, — я просила поделиться впечатлениями от Лондона, рассказать о том, нравится ли им жить в этом городе, какие чувства у них вызывает Лондон, рассказать о том месте, где я их снимала. Естественно, все ответы были разными. И в процессе разговора я получала те мгновения, которые искала.

— Чем это объяснить? Думаете, у вас особый дар вызывать людей на откровенность? — спросил представитель «Дома орхидей».

Дебора с улыбкой покачала головой.

— Нет, конечно. Я и двух слов связать не могу, если речь не идет о фотографии, кошках или собаках. Думаю, я неплохо справляюсь с работой в саду, но только если она касается прополки и мне не нужно определять, где сорняк, а где нет. Для этого, — она снова указала на книгу, — я заранее придумала вопросы и задавала их, пока снимала. Это была исходная точка. Дальше все зависело

ЭЛИЗАБЕТ ДЖОРДЖ

от того, что они отвечали. Когда люди говорят о том, что им интересно, их лица меняются.

— И тогда вы их фотографируете?

— Нет-нет. Я ищу такие моменты, но фотографирую все время. Для такой книги... приходится выбраковывать... не знаю... не меньше трех тысяч портретов.

Все сидевшие за столом люди умолкли. Потом переглянулись. Дебора сделала вывод, что причина, по которой ее сюда пригласили, явно не имеет отношения к «Голосам Лондона», но все еще не могла понять, чего они от нее хотят. Наконец тишину нарушила помощник секретаря.

— Да, у вас получилась прекрасная книга, — сказала она. — Поздравляю. У нас есть проект, который мы хотели бы с вами обсудить.

— Что-то связанное с образованием? — спросила Дебора.

— Да. Но осмелюсь предположить, эта связь будет для вас неожиданной.

Мейвилл-Эстейт Долстон Северо-восток Лондона

Танимола Банколе цеплялся за надежду, что изнуряющая летняя жара, не ослабевавшая уже четвертую неделю подряд, изменит ход мыслей отца, которые последние тридцать семь минут неслись, подобно локомотиву по рельсам, не сворачивая с темы безответственности Тани. Для Абео Банколе эта тема не была новой. Отец Тани мог бесконечно твердить одно и то же — как на английском, так и на своем родном языке йоруба — на протяжении сорока пяти минут, и такое случалось уже не раз. Он считал своей родительской обязанностью позаботиться о том, чтобы Тани стал настоящим мужчиной, каким его

ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ

представлял Абео, и сделать это Тани мог только одним способом — исполнять все мужские обязанности, определял которые также Абео. В то же время он считал главной обязанностью Тани слушать и запоминать все, что говорит отец, а также повиноваться ему во всем. С первым Тани обычно справлялся. А вот со вторым и третьим было сложнее.

В этот день Тани ничего не мог противопоставить ни одному аргументу отца. Ему действительно повезло получить постоянную работу, и досталась она ему только благодаря тому, что он был сыном Абео Банколе, владельца магазина «Товары из Африки», а также мясной лавки и рыбного прилавка на рынке. Ему действительно повезло, что отец разрешил оставлять одну восьмую заработка себе, вместо того чтобы отдавать в семейный котел. Он действительно ел три раза в день — еду, которую готовила ему мать. Одежду действительно приносили ему прямо в комнату, безупречно чистую и идеально отглаженную. И так далее, и так далее — до бесконечности. Не замечая ни поднимавшихся от тротуара волн жара, ни деревьев — очень редких в этой части города, — которые слишком рано сбрасывали листья, ни остатков льда на рыбных прилавках, таявшего так быстро, что в воздухе пахло хеком, окунем и макрелью, ни на мясные ряды с запахом крови от нагретой требухи овец и коров, ни на фрукты и овощи, которые нужно продать со скидкой, пока они не сгнили, Абео шел в направлении Мейвилл-Эстейт, озабоченный только неспособностью Тани вовремя прийти на работу.

Тани был виноват. Все, что говорил отец, — истинная правда. Тани не мог сосредоточиться на своих обязанностях. Тани не ставил семью на первое место. Тани постоянно забывал, кто он. Поэтому он ничего не говорил в свою защиту. Он думал о Софи Франклин.

О, там было о чем подумать: о прекрасной коже Софи, о ее мягких коротких волосах, о гладких как шелк ногах и изящных лодыжках, о соблазнительной груди, о ее губах, языке и всем остальном... Конечно, он был абсолютно безответственным. А как же иначе, если он был с Софи?

Отец мог бы это понять. Теперь ему шестьдесят два, но и он когда-то был молодым. Однако Тани не мог рассказать ему о Софи — это абсолютно исключено. Тот факт, что она не нигерийка, был лишь одной из причин, по которым Абео Банколе хватил бы удар, прямо здесь, на тротуаре. Второй причиной был секс с Софи, сам факт которого отец не мог бы принять спокойно.

В общем, Тани опоздал на работу в «Товары из Африки». Причем опоздал настолько, что к его приходу уже началось ежедневное пополнение товаров на полках. Эта процедура — наряду с повторными заказами и общей уборкой — была ежедневной обязанностью Тани, когда он возвращался из колледжа, а второй работник лавки, Зайд, должен лишь помогать клиентам найти то, что они ищут, и стоять на кассе. Зайду совсем не понравилось, что в этот день ему пришлось заниматься и всем остальным. Свое недовольство он высказал по мобильному Абео, который шел в мясную лавку.

Опоздавший Тани принялся старательно проверять полки с товарами. Но Зайд уже закончил уборку и бросал на него недовольные взгляды. Вошел Абео и приказал Тани идти с ним.

Тани знал, что его ждет. Но также понимал, что это подходящая возможность поговорить с отцом о своем будущем. Ему не нравилось работать в одном из двух отцовских магазинов или за рыбным прилавком, а еще больше не нравилось, что ему придется управлять магазином «Товары из Африки», когда он закончит курс ресторанный менеджмента в предуниверситетском колледже. Это не для него. Сказать правду? Это отстой. Не для того он собирал-

ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ

ся поступить в университет и получить диплом по бизнесу, чтобы потом тратить свою жизнь на управление магазином. Для этого Абео мог бы нанять кого-нибудь из кузенов Банколе. Конечно, тогда пришлось бы впускать родственника из Пекхэма в ограниченный круг жизни, который Абео создал для своей жены и детей на северо-востоке Лондона, и Абео это не понравится. Но Тани не собирался оставлять ему выбор. Он хотел сам строить свою жизнь.

Путь к Мейвилл-Эстейт по окончании рабочего дня зигзагом проходил по оживленным улицам. Ближе к вечеру их заполнили пешеходы, машины, автобусы и велосипеды — местные жители возвращались домой. Банколе, одни из немногих нигерийцев в этой многонациональной общине, состоящей из выходцев со всего света, от Африки до Вест-Индии, жили в районе Мейвилл-Эстейт, в доме под названием Бронте-хаус, пятиэтажном здании из нештукатуренного красного кирпича, каких очень много в жилых районах города. Прямо через дорогу от дома располагалась асфальтовая игровая площадка, прикрытая от солнца огромными лондонскими платанами. В торцах площадки были установлены баскетбольные щиты с кольцами и футбольные ворота, а всю ее обнесли забором, чтобы дети в погоне за мячом не выскочили на улицу.

К дверям квартир на первом этаже Бронте-хаус вели бетонные ступеньки, а для того чтобы попасть на верхние четыре этажа, нужно было пройти по внешнему коридору, а затем подняться по лестнице или на лифте. Почти все двери были открыты — в тщетной надежде впустить ветер, которого, по крайней мере в этот момент, совсем не чувствовалось. Из распахнутых окон доносились звуки работающих телевизоров, а также музыки, танцевальной и рэпа; к ним присоединялись запахи самой разной еды.

В квартире Банколе было жарко, как в перегретой сауне. Тани почувствовал, что его обволакивает пелена поч-